

<Н. Н. Страхов>

Новое художественное произведение и наша критика

(Письмо в редакцию "Времени")

"Время", No 2, 1863

Оригинал здесь -- <http://smalt.karelia.ru/~filolog/vremja/1863/febr/novhudpr.htm>

НОВОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ И НАША КРИТИКА

(письмо въ редакцію "Времени")

Хвалу и клевету приѣмлю равнодушно.

Пушкинъ.

Позвольте мнѣ, милостивый государь, напомнить вамъ одно мое скромное мнѣніе, которое я уже давно имѣлъ честь изложить въ одномъ изъ моихъ писемъ. Я осмѣливался нѣкогда утверждать, что наша изящная литература несравненно выше нашей критики и что она отъ этой критики независима и безопасна. Чѣмъ далѣе я наблюдаю нашу литературу съ тѣмъ прилежаніемъ и вниманіемъ, которое вамъ извѣстно, тѣмъ сильнѣе я убѣждаюсь въ этой истинѣ. Въ настоящее время я готовъ сказать даже болѣе; я готовъ утверждать, что наша изящная литература есть явленіе глубоко-нормальное и прекрасное, тогда какъ наша критика есть явленіе безобразное и уродливое; что въ нашей изящной литературѣ обнаруживаются истинно-живыя стремленія, и многообѣщающіе зародыши, тогда какъ наша критика мелка и поверхностна до послѣдней степени возможности; что не только наша изящная литература независима и безопасна отъ нашей критики, но что наша критика даже не имѣетъ ничего общаго съ нашей изящной литературой, что она ровно ничего въ ней не понимаетъ и, говоря о ней, говоритъ о чемъ-то другомъ.

На первый взглядъ такое мнѣніе можетъ показаться дерзкимъ; но прошу васъ не поддаваться подозрѣніямъ относительно моей скромности. Я знаю, что критика, о которой я говорю, имѣла и имѣетъ у насъ огромный вѣсъ, пользовалась и даже доселѣ пользуется великимъ почетомъ и вниманіемъ. Я знаю, что въ ней видѣли залогъ всего нашего прогресса и вообще приписывали ей безчисленные достоинства. Ничего этого я не отвергаю; ни единого изъ этихъ достоинствъ я не думаю дерзновенно оспаривать. Вы не имѣете права предполагать во мнѣ подобной злобы и коварства. Я хочу только сказать, что при всѣхъ своихъ неотъемлемыхъ достоинствахъ, наша критика ничего не понимала и отучила своихъ послѣдователей понимать что-нибудь въ изящныхъ произведеніяхъ нашей словесности. Чтожъ? Тутъ кажется нѣтъ еще ничего особенно дурного. Кто дурно поетъ, тотъ какъ извѣстно можетъ утѣшаться тѣмъ, что онъ хорошо ведетъ себя; кто пишетъ плохіе стихи, тотъ можетъ еще услаждать себя мыслью о твердости своего характера и добротѣ своего сердца. Такъ точно и здѣсь. Велика бѣда -- изящныя произведенія! Развѣ мало есть предметовъ несравненно болѣе значительныхъ, вопросовъ несравненно болѣе важныхъ? Слѣдовательно сказать, что критика непонимала изящныхъ произведеній, но за то понимала множество другихъ прекраснѣйшихъ и глубочайшихъ вещей, еще не значитъ поносить критику.

Такимъ образомъ я заранѣе соглашаюсь, что говорю о мелочахъ; я очевидно поднимаю вопросъ, ничтожный по своему объему и значенію. Но чтоже дѣлать? Вѣдь вы меня знаете. Быть-можетъ я былъ достоинъ лучшей участи, но неумолимая судьба назначила мнѣ быть ревностнымъ читателемъ нашихъ журналовъ и принимать въ ихъ толкахъ сердечное участіе.

И такъ начнемъ. Приведу вамъ по порядку новыя доказательства моей старой мысли.